

Она знает финал
романа: злодейку казнят
на третьей части.

Осталось 90 дней,
чтобы переписать сюжет,
пока «главный герой»
не решил, что она
всё ещё враг.

Она знает
сюжет.
Он подозревает,
что всё написано.
Но кто пишет
книгу?

ЗЛОДЕЙКА ПОНЕВОЛЕ

Дмитрий Уотич

Злодейка поневоле

<https://litres.ru/74671302>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса - современная редакторша, которая вычитывала этот роман до последней запятой. Знает сюжет наизусть, но забыла, что «злодейка» там была написана плоско и несправедливо. Язвительная, практичная, трусит и всё равно лезет вперёд.

Её слабое место: она знает события, но не людей. Книжные персонажи оказываются живыми и ведут себя не по тексту.

Дмитрий Уотич

Злодейка поневоле

Глава 1

Последнее, что Алиса помнила из прежней жизни, была запятая.

Одна-единственная запятая в тридцать седьмой главе, которую автор упрямо ставил перед «как», будто боялся, что без неё читатель утонет в собственных мыслях. Было три часа ночи, чай давно остыл, а дедлайн дышал в затылок. Алиса занесла курсор над проклятым знаком, подумала: «Ещё одна страница — и домой» — и мир погас, как экран с севшей батареей.

Очнулась она от запаха.

Лилии. Густые, сладкие, почти приторные, а под ними что-то холодное и сухое, словно в комнате давно остыла зола.

«Уснула прямо в редакции, — лениво решила Алиса. — Клининг опять разлил свой освежитель...»

Она открыла глаза и увидела над собой балдахин цвета выдержанного вина, расшитый серебряными нитями. Нитей было много. Они складывались в узор из роз и шипов, и узор этот был слишком дорогим, чтобы оказаться сном человека, чей бюджет в последнее время делился на аренду и кофе.

Алиса села. Шёлк простыни скользнул по коже, и это тоже было неправильно: её простыни не скользили, они кусались. — Так, — сказала она вслух. — Спокойно.

Голос ответил не её. Низкий, бархатный, с ленивой хри-

потцой — голос женщины, которой никто и никогда не смел перечить. Алиса зажала рот ладонью. Ладонь была узкой, белой, с длинными пальцами и ногтями, отполированными до блеска. На безымянном пальце горел чёрный камень, тяжёлый, как гирька.

— Миледи?

Дверь приоткрылась. На пороге стояла девушка лет семнадцати с подносом, и поднос ходил ходуном: фарфор мелко-мелко звенел, словно в чашке бушевал крошечный шторм. Веснушки, русая коса, нижняя губа, прикушенная до белизны.

— Вы... вы уже проснулись, миледи? Я принесла шоколад. Горячий, как вы любите. Я проверила, честное слово, не обжигает, я попробовала... то есть нет, не попробовала, я бы никогда...

Она осеклась и побледнела ещё сильнее. Алиса смотрела на неё, и по спине у неё медленно полз холод.

Она знала эту сцену.

В романе «Свет для Лирона» служанка появлялась в первой главе на полторы строчки: «Прислуга вздрогнула, когда леди Нотт швырнула в неё чашкой». Ни имени, ни лица, ни причины, по которой девчонка так дрожит. Декорация. Мебель, которую быют, чтобы читатель вовремя возненавидел героиню.

— Как тебя зовут? — вырвалось у Алисы.

Поднос звякнул так, что шоколад выплеснулся на блюдце.

— Т-тильда, миледи. — Девушка втянула голову в плечи.
— Вы всегда называли меня «эй, ты».

— Это было... неправильно, — выдавила Алиса. — Поставь шоколад, Тильда. И не бойся. Я не буду бросаться чашками.

Тильда опустила поднос на столик так осторожно, словно под чашкой лежала взведённая мина, и посмотрела на хозяйку взглядом человека, у которого только что отобрали привычный сценарий.

Сценарий у самой Алисы, как ни странно, был. Беда в том, что она знала его слишком хорошо.

* * *

Зеркало висело в углу: высокое, в раме из чёрного дерева. Алиса дошла до него босиком — паркет холодил ступни — и заставила себя поднять глаза.

Из зеркала на неё смотрела красавица. Красота эта была особенной и опасной, такую художники рисуют на обложках для злодеек: волосы цвета воронова крыла тяжёлой волной до талии, острые скулы, янтарные глаза с приподнятыми к вискам уголками, губы, алые без всякой помады. Лицо, созданное для того, чтобы читатель невзлюбил его с первого абзаца.

— Эльвира Нотт, — прошептала Алиса. — Двадцать четыре года. Дочь маркиза Нотта. Отравительница, интриганка и главное украшение второго акта.

Эту рукопись редактировала она сама. Это она ночами си-

дела над «Светом для Лирона», исправляла падежи, вылавливала сюжетные дыры и писала на полях комментарии, которые автор великодушно игнорировал. Один из них Алиса помнила дословно: «Мотивация злодейки? Хоть какая-нибудь?» Автор ответил в мессенджере: «Она просто злая. Читателям так проще».

Проще, ага. И вот это «просто» смотрело на неё из зеркала и должно было закончить жизнь на плахе.

Ноги вдруг отказались держать. Алиса опустилась на бархатный пуфик у туалетного столика, и в голове, как на чистом листе, сама собой выстроилась хронология. Она составляла её сама, отдельным файлом: автор путал даты, и приходилось сверять каждую.

День первый. Весенний приём в Розовой галерее. Эльвира даёт пощёчину героине, святой Сэре, на глазах у всего двора.

Дальше: отравленный бокал на балу. Подложные письма. Покушение в храмовом саду. Суд.

И глава пятьдесят восьмая. Эшафот. Ровно через девяносто дней после первого появления злодейки: эту цифру Алиса когда-то сама подчёркивала жёлтым маркером.

Автор, помнится, очень любил топор.

— Девяносто дней, — сказала она отражению. Отражение побледнело, и красота его от этого стала только злее. — У меня есть девяносто дней и ни одного шанса на повторную вычитку.

— Тильда, — позвала она, не отрывая взгляда от стекла.

— Какое сегодня число?

— Двенадцатое, миледи. Месяц Первоцвета. — Служанка помедлила. — Через три часа начинается приём в Розовой галерее. Вы велели разбудить вас пораньше, чтобы выбрать платье.

Конечно, велела. По тексту именно в этом платье она должна была ударить Сэру по лицу.

* * *

Алиса встала, подошла к окну и распахнула тяжёлые створки. В лицо ударил прохладный воздух, пахнувший мокрой землёй и вишнёвым цветом. Внизу раскинулся сад: белые дорожки, подстриженные кусты, цветущие деревья. Мир был пугающе настоящим. В романе автор ограничился бы фразой «весенний сад», а здесь шелестели листья, где-то в глубине звенела невидимая птица, и садовник у ограды вполголоса ругался на упрямую лейку.

А над садом висели нити.

Алиса моргнула, не веря глазам. Тонкие, как паутинки, серебристые, они тянулись от садовника, от двух стражников у ворот, от далёкой фигурки на балконе противоположного крыла и уходили вверх, в бледное небо, где терялись среди облаков. Казалось, что кто-то огромный держит их все в одной руке.

Нити судьбы. В прологе автор посвятил им один абзац и ни разу не объяснил, как они работают. Алиса тогда пометила на полях: «Красиво, но зачем?»

Теперь, кажется, ей предстояло это выяснить.

В дверь коротко постучали. Тильда выскользнула в коридор, а через минуту вернулась и держала на ладони конверт так, будто тот мог укусить.

— Миледи... Это принесли на рассвете. Посыльный сказал, что от его светлости канцлера.

— От кого?

— От герцога Аверна, миледи.

Алиса медленно повернулась.

Каэль Аверн. Герцог, канцлер, «ледяной лорд» всех романтических сцен. По тексту они с Эльвирой не обменивались ни единым словом до самого приёма, а за всю книгу произносят друг другу всего три фразы, и все три — приговор.

Конверт был из плотной серой бумаги и запечатан простым чёрным воском, без герба. Алиса сломала печать. Почерк оказался острым и торопливым, как у человека, привыкшего подписывать приказы, а не писать письма:

«Леди Нотт. Малая оранжерея, за час до приёма. Приходите одна и никому не говорите. К. А.»

Ни приветствия, ни просьбы, ни одного лишнего слова. Алиса перечитала записку трижды, и с каждым разом та нравилась ей всё меньше.

Этой сцены в романе не было. Не было ни оранжереи, ни записки, ни даже намёка на то, что герцог знает об Эльвире Нотт больше, чем положено канцлеру знать о придворной

даме. Сюжет, который Алиса помнила наизусть, дал трещину ещё до завтрака.

Она машинально потёрла запястье и замерла.

На коже, у самой косточки, висела нить. Тонкая, серебристая, как те, что тянулись над садом. Но, в отличие от них, эта нить никуда не вела: оборванный конец трепетал на сквозняке, не привязанный ни к чему на свете.

— Миледи? — тихо спросила Тильда. — Что-то случилось?

Алиса подняла глаза на служанку. Над головой девушки нить уходила вверх: ровная, чёткая, послушная, как строчка в тексте. Над самой Алисой не было ничего.

Значит, сюжет больше не держит её. Вопрос лишь в том, кто захочет подобрать этот оборванный конец первым и что из этого выйдет.

— Всё хорошо, Тильда, — ответила она и сама удивилась, как спокойно прозвучал голос Эльвиры. — Неси платье. Не чёрное. Любое другое.

Она помедлила и добавила:

— И запомни: сегодня у нас с тобой очень длинный день.

Глава 2. Герцог, который не верит в совпадения

Платье нашлось быстро.

Тильда принесла три: чёрное, винно-красное и светло-зелёное, цвета молодой листвы. Чёрное Алиса узнала сразу. Бархат, серебряное шитьё по вороту, рукава с узким растрёмом: именно в нём, по тексту, Эльвира входила в Розовую галерею. Автор потратил на это платье целый абзац и ни одной строчки на то, зачем злодейка надела траур на весенний приём.

— Это, — сказала Алиса и ткнула пальцем в зелёное.

Тильда округлила глаза.

— Но, миледи... Вы же велели его сжечь. Вы сказали, что в нём похожи на невинную девушку.

— Именно поэтому, — ответила Алиса, — оно мне и нужно.

Тильда затягивала шнуровку с осторожностью сапёра. Алиса, которая в прошлой жизни носила только джинсы и растянутые свитера, выдохнула, когда корсет сжал рёбра, и подумала, что женщины Лирона заслуживают медалей за выдержку.

— Тильда, — сказала она, глядя в потолок, — расскажи мне про леди Сэру.

Пальцы служанки на мгновение замерли.

— Про святую, миледи? — Голос стал очень ровным, как у человека, идущего по тонкому льду. — Что именно?

— Что угодно. Какая она?

— Добрая, — осторожно ответила Тильда. — Так говорят. Она лечит прикосновением, и в храме её называют Светом Лирона. — Девушка помолчала и вдруг добавила тише: — Она единственная из знатных дам, кто спросил, как меня зовут. Один раз, на лестнице. Я так растерялась, что забыла ответить.

Алиса скосила глаза на отражение. Эльвира Нотт, которая, по версии автора, ненавидела Сэру за «приторную чистоту», стояла бледная и очень внимательная.

Святая, знающая по именам прислугу. В романе это называли «обаянием героини», и Алиса когда-то вычеркнула фразу как штамп. Сейчас она отметила её и убрала в дальний ящик памяти. Ящик, судя по всему, предстояло разбить очень скоро.

* * *

Дорогу в оранжерею Алиса знала лучше, чем собственный район. Западное крыло, длинная галерея с портретами, лестница на два пролёта вниз, потом налево, мимо мраморной нимфы с отбитым носом. Автор описывал этот маршрут в главе одиннадцатой, когда героиня подкармливала там раненых птиц и вела душеспасительные беседы с садовником. Птицы вышли картонными, зато маршрут получился подробным.

Идти пришлось через галерею, полную людей, и очень скоро Алиса поняла, что это испытание.

Придворные расступались. Не демонстративно, а вежливо, с лёгким поклоном, но так, как расступаются перед змеей, которая пока не кусается. Дама в жемчугах отвернулась к окну так резко, что едва не выронила веер. Щеголь в лиловом камзоле побледнел, поклонился и торопливо обнаружил в углу невероятно интересную картину.

«Прекрасно, — подумала Алиса. — У меня репутация чумы с хорошим гардеробом».

И всё это время она видела нити.

Они тянулись над головами, тонкие и серебристые, и если приглядеться, каждая слегка натягивалась, поворачивая человека не туда, куда он собирался идти. Дама в жемчугах шла к окну, но нить тащила её к выходу. Щеголь стоял перед картиной, а нить упрямо волокла его вдоль галереи, туда, где как раз появился какой-то лорд. Люди казались куклами, которые только думают, что шагают сами.

Алиса поспешила отвести взгляд. Ничего хорошего эта мысль не обещала.

* * *

Малая оранжерея оказалась стеклянным чудом: высокий купол, влажное тепло, запах земли и цитрусов. Апельсиновые деревья в кадках стояли ровными рядами, словно караул, а между ними вились дорожки из белого гравия. Сквозь прозрачную стену виднелась терраса, а за ней розовело зда-

ние галереи, где через час начнётся приём.

Герцог стоял в центре, спиной ко входу, и разглядывал белую лилию в глиняном горшке. Лилия увяла: лепестки побурели, стебель безвольно повис.

— Вы пришли на семь минут раньше, — сказал он, не оборачиваясь. — Эльвира Нотт ни разу за все наши годы при дворе не появлялась раньше назначенного.

Тело, к счастью, помнило реверанс лучше, чем она.

— Ваша светлость. Вы просили прийти одну. Я решила, что опоздание вам не понравится.

— Мне не нравится многое. — Он наконец повернулся.

Высокий, широкоплечий, но двигался с той сдержанной экономией, которая бывает у людей, не привыкших тратить лишнее. Тёмные волосы острижены коротко, на плечах серебряная цепь канцлера. Алиса, вычитавшая восемьсот страниц его описаний, считала, что автор не соврал: он был красив так, как бывают красивые хорошие ножи, без единой лишней линии. Глаза серые, как зимняя вода, и такие же приветливые.

«Не думать о том, что в главе тридцать девятой он выносит героиню из горячей библиотеки, — строго приказала себе Алиса. — Сейчас это не помогает».

— Меня просили прийти многие, — продолжил герцог. — Послушались единицы. Вы — впервые.

— Я решила, что канцлер, зовущий даму без свидетелей, либо влюблён, либо собирается арестовать, — выпалила

Алиса. — Второе интереснее.

Мысленно она закрыла лицо ладонью. Это сказала не Эльвира. Это сказала редакторша после трёх бессонных ночей, у которой язык всегда работал быстрее инстинкта самосохранения.

Герцог посмотрел на неё долгим, неподвижным взглядом. — Ни то, ни другое, — наконец произнёс он. — Пока. Это «пока» прозвучало так спокойно, что у Алисы по спине пробежал холодок.

— Раньше вы по утрам говорили иначе, — заметил он, медленно обходя кадку с апельсиновым деревом. — Громче. И с большим количеством посуды.

— Я сегодня плохо спала.

— Вы сегодня вообще не спали, леди Нотт. Вы проснулись другим человеком. — Он остановился в трёх шагах от неё. — На рассвете в этом дворце оборвалась нить. Одна. За те годы, что я их вижу, такого не случалось ни разу.

Сердце ухнуло куда-то в корсет.

— Какие нити, ваша светлость?

— Те, на которые вы смотрели с тех пор, как вошли. — Он говорил ровно, без нажима, как человек, зачитывающий протокол. — Вы поднимали глаза к куполу, туда, где они уходят вверх. Эльвира Нотт никогда не смотрела выше чужих плеч.

«Мои плечи устали», — чуть не сказала Алиса и вовремя прикусила язык.

— Допустим, я не понимаю, о чём вы, — вместо этого сказала она. — Что дальше? Арест за порванную нить?

— Нити не рвутся сами. Либо их режут, либо человек поступает так, как нить не предусматривала. Ни того, ни другого прежде не бывало. — Он слегка наклонил голову. — Вчера по вашей нити я знал, куда вы идёте. Она вела вас по одной дороге, как по натоптанной тропе. Сегодня она оборвана, а оборванное не ведёт никуда. Вы единственный человек в королевстве, чьё завтра я не могу назвать.

В горле пересохло. Алиса вдруг очень ясно представила, как этот самый человек в главе пятьдесят восьмой подписывает приговор. Ровно, красиво, не дрогнув.

— И что вы хотите от меня? — спросила она.

— Увидеть, что вы сделаете. В Розовой галерее все ждут, что вы ударите леди Сэру. Вы мечтали об этом месяц.

— Как зрелище?

— Как свидетельство.

— А если я не оправдаю ожиданий?

— Тогда я задам следующий вопрос.

— А если оправдаю?

— Тогда я пойму, что ошибся. — Серые глаза не дрогнули. — И вопросов больше не будет.

«Не будет, — мрачно подумала Алиса. — Будет топор».

— Я бы вас успокоил, — добавил герцог, будто услышал её мысли, — но не умею. Скажу иначе: пока я смотрю, вас не тронут. Не принимайте это за доброту, леди Нотт. Это

любопытство. Оно дольше живёт, чем доброта.

Он прошёл мимо неё к выходу и на ходу поправил манжету. Алиса не удержалась и скосила глаза.

Над его запястьем висела нить. Целая, не оборванная, но совсем не такая, как у других. Она была намотана на руку несколькими тугими витками и истёрта до прозрачности, как верёвка, за которую слишком долго и слишком сильно дёр-гали.

— Не смотрите, — тихо сказал герцог, не поворачивая головы.

Алиса отвела взгляд так быстро, что хрустнула шея.

Когда его шаги стихли, она осталась одна среди апельсиновых деревьев. Лилия в горшке по-прежнему пахла увяданием, а в стеклянной стене отражалась бледная девушка в зелёном платье. Алиса выдохнула и принялась загибать пальцы, как делала всегда, когда сюжет трещал по швам.

Правило первое: не бить Сэру.

Правило второе: выжить рядом с человеком, который однажды подпишет её приговор.

Правило третье: выяснить, что это за нити и почему у канцлера королевства нить выглядит так, будто он всю жизнь пытается её порвать.

Она подняла глаза и сквозь стеклянную стену увидела террасу. Там, среди придворных дам в пастельных платьях, стояла девушка в белом. Золотистые волосы, мягкий свет, лицо, которое художники рисуют на иконах. Леди Сэра.

Словно почувствовав взгляд, святая повернула голову и посмотрела прямо на оранжерею. На губах её цвела безупречная улыбка.

Но на долю секунды улыбка дрогнула.

Так смотрит корректор на опечатку, которой не было в рукописи.

До приёма оставался час.

Глава 3. Пощёчина, которой не было

Глашатай объявил её имя так, будто зачитывал диагноз.

— Леди Эльвира Нотт, дочь маркиза Нотта!

Двери Розовой галереи распахнулись, и разговоры стихли не разом, а волной, от входа вглубь, как рябь по воде. Алиса остановилась на пороге и позволила себе секунду рассмотреть зал, прежде чем сделать шаг.

Автор не пожалел красок. Стены из розового мрамора с прожилками цвета топлёного молока, высокие окна, хрустальные люстры, в которых дробилось весеннее солнце. Вдоль стен стояли вазы с розами, и роз было так много, что воздух казался густым, как сироп. В глубине зала, на помосте под балдахином, сидел король Ориан Третий: седой, тонкий, закутанный в горностаи, несмотря на тёплый день. Рядом с помостом, плечом к колонне, стоял герцог Аверн. Он на неё не смотрел. Это было заметно по тому, как старательно он не смотрел.

— На ней зелёное, — прошелестело справа.

— Она же всегда в чёрном.

— Может, заболела?

— Или задумала что-то похуже.

«Дамы, — подумала Алиса, — вы только что вслух зачитали мою пояснительную записку».

Она двинулась вперёд. Толпа расступалась. Алиса шла по

розовому мрамору ровно, с высоко поднятой головой, и пыталась вспомнить, что делать с руками. Эльвира держала их так, словно в каждой был веер из ножей. Алиса сложила ладони перед собой, как на церемонии вручения премии, когда ужасно хочется, чтобы всё поскорее закончилось.

За двадцать шагов до помоста она увидела Сэру.

Святая стояла у окна в ореоле света, и казалось, что лучи падают на неё нарочно. Белое платье, простое, без единой драгоценности. Золотые волосы, свободно заплетённые и перевитые лентой. Глаза оказались голубыми, огромными, с ресницами, на которые автор потратил целых два абзаца. В руках она держала белую лилию.

И нить над ней была другой.

У всех в зале нити были серебряными и тонкими. У Сэры она была золотой и толщиной с канат. Нить уходила вверх и сияла так ярко, что у Алисы заслезились глаза.

«Главная героиня, — мрачно подумала она. — Конечно. У неё премиум-тариф».

Сэра шагнула навстречу. Толпа затаила дыхание. Алиса почти слышала, как сотня человек одновременно подумала об одном и том же: сейчас.

— Леди Эльвира, — голос у святой был тёплый, чуть смущённый, будто она извинялась за сам факт своего существования. — Я так надеялась вас увидеть. После нашей последней размовки я не находила себе места. Я хочу, чтобы между нами был мир. Примите это от чистого сердца.

И она протянула лилию.

Вот она, эта сцена. Алиса вычитывала её восемь раз: в рукописи, в первой правке, во второй, в корректуре, на вёрстке, а потом ещё раз, потому что автор в последний момент дописал «важную деталь». Деталь заключалась в том, что Эльвира выбивает цветок из рук Сэры, затем бьёт её по щеке так, что та падает на колени, а лилия, коснувшись мрамора, мгновенно вянет.

И тут Алиса поняла сразу две вещи.

Первая: её рука уже поднята.

Не по её воле. Правая ладонь, чужая, красивая и очень быстрая, взлетела сама, повинувшись инстинкту тела, которое целый месяц мечтало об этом моменте. По залу прокатился вздох. Пальцы напряглись, рука набрала замах...

Вторая: серебряные нити придворных натянулись все разом. Они дрожали, как струны, и тянули людей ближе, к краю воображаемой сцены. Казалось, сам воздух подталкивал её: давай, ну же, твой выход.

«Нет, — подумала Алиса. — Не по этому тексту».

Она сделала то единственное, на что хватило секунды: превратила замах в изящный жест и взяла лилию из рук Сэры двумя пальцами, как берут бокал на приеме.

В зале стало так тихо, что было слышно, как где-то в углу звякнула упавшая шпилька.

Алиса поднесла цветок к лицу и вдохнула. Лилии она терпеть не могла: слишком сладкие, слишком торжественные,

как свадьба и похороны одновременно. Но лицо при этом сохранила идеальное.

— Какая прелесть, — громко произнесла она. — Белые лилии. Мои любимые.

Улыбка Сэры замерла, словно её приклеили. Придворные переглядывались. Кто-то уронил бокал. Нити над головами, только что натянутые, как поводья, обмякли и повисли, будто у кукол, у которых вдруг исчез кукловод.

— Леди Сэра, — продолжила Алиса, чуть понизив голос до приличия, — я признаю, что прошлой весной была неправа. Предупреждаю: извиняться я умею плохо, поэтому делаю это один раз. Давайте считать, что мы начали заново.

Тишина дрогнула. Сначала медленно, нерешительно захлопал кто-то у колонны. Потом ещё. Наконец король Ориан слабо улыбнулся и сам коснулся ладонью о ладонь.

— Давно мы не видели в этих стенах примирения, — проскрипел он. — Пусть так и будет.

Зал выдохнул и зааплодировал. Громко, облегчённо, как публика, которая ждала драки, а получила антракт.

Сэра шагнула ближе. Придворные дамы умилённо следили за тем, как святая обнимает недавнюю соперницу: лёгкое прикосновение щеки к щеке, как велит этикет. Но в этот миг, закрытая от зала золотыми волосами, она прошептала так тихо, что слышала только Алиса:

— Ты должна была ударить.

Алиса замерла.

Не «вы». Не «леди Нотт». Не растерянное «что с вами?». А ровное, холодное, знающее: *должна была*.

Она так же тихо ответила, не меняя улыбки:

— Мне не понравилась эта сцена. Я её вычёркиваю.

— Ты не можешь, — шёпот был спокойным, почти ласковым. — Это уже написано.

— Тогда разберёмся, что написано, а что нет.

Сэра чуть отстранилась, и голубые глаза встретились с янтарными. Ни капли святости в них не было. Только внимательная, расчётливая ясность человека, который долго и терпеливо ждал, а теперь увидел, как рушится план.

— Зря, — одними губами сказала она. — Мне нравится финал.

И в ту же секунду снова расцвела, повернулась к залу и звонко, на весь зал, произнесла:

— Леди Эльвира так добра!

Придворные снова захлопали. Золотая нить за спиной Сэры сияла ровно, безмятежно, словно ничего не случилось.

Алиса стояла посреди розового зала с белой лилией в руке и чувствовала, как к горлу подступает ледяная волна понимания.

Она не спросила, о каком финале речь.

Потому что Сэра знала его не хуже неё самой.

* * *

Когда толпа рассеялась по залу, а музыканты завели что-то лёгкое и бессмысленное, у колонны, возле которой она

оказалась, остановилась тень.

— Вы не ударили её, — сказал герцог Аверн.

Он по-прежнему смотрел не на Алису, а на зал, на придворных, на помост. Но говорил именно с ней.

— Я передумала.

— Нити не любят, когда передумывают.

Алиса осторожно скосила глаза вверх. Серебряные паутинки над головами всё ещё чуть подрагивали, словно зал не мог решить, что делать с несостоявшейся пощёчиной. Они то вытягивались вслед за Алисой, то пытались вернуться в прежние линии, то снова вяло опадали.

— А вы? — спросила она. — Вы тоже не любите?

Каэль наконец посмотрел на неё. Серые глаза не потеплели, но в них мелькнуло то, чего не было в оранжерее. Не доверие и не интерес. Скорее то выражение, с которым учёный смотрит на явление, которое не помещается в его таблицы.

— Я не люблю, когда не понимаю, — ответил он. — Сегодня вы дали мне два повода для недовольства.

— Только два?

— Пока два.

Он слегка склонил голову, развернулся и пошёл прочь. Алиса следила за ним взглядом, пока не почувствовала в ладони что-то странное.

Она опустила глаза.

Лилия вяла.

Лепестки темнели прямо на глазах, скручивались, распол-

зались бурыми пятнами; стебель обмяк, голова цветка безвольно упала на её запястье. Всё это случилось за какие-то три вдоха, словно сам воздух высасывал из цветка жизнь.

Сюжет не получил своей пощёчины.

И теперь, судя по всему, собирался получить своё как-то иначе.

Глава 4. Сделка в Башне Архивов

Музыка стихла, когда король Ориан поднял руку.

Обычно этот жест означал, что его величество устал и хочет, чтобы все немедленно перестали шуметь. Придворные знали это, поэтому умолкли быстро и дружно, как школьники при появлении директора.

— Мои дорогие подданные, — голос короля был слабым, но в тишине звучал отчётливо. — Сегодня я увидел то, чего не видел давно: мир в стенах моего дома. Это добрый знак. А добрые знаки следует отмечать. Через девять дней, двадцать первого числа месяца Первоцвета, мы дадим Бал Первых Нитей.

По залу прошёл довольный гул. Алиса вспомнила, что в романе бал занимал целых три главы: платья, танцы, отравленный бокал и первая трещина в отношениях героев. Для автора это была важная точка. Для неё это была дата, до которой нужно дожить.

— По древнему обычаю, — продолжил король, и Алиса напряглась, потому что слова «по древнему обычаю» никогда не предвещали ничего хорошего, — каждая дама, не связанная обетом помолвки или венчанием, перед балом проходит Испытание Светом. Храм смотрит, чисты ли её нити, не оборваны ли они, не затронуты ли тёмным умыслом.

Алиса перестала дышать.

— В последние годы этот обычай подзабыли, — добавил король. — Но в свете недавних... тревожных слухов, — он деликатно не посмотрел в её сторону, но весь зал посмотрел за него, — я полагаю, что напомнить о нём будет полезно всем.

— Ваше величество, — раздался мелодичный голос. Сэра вышла вперёд и склонилась в реверансе, такая светлая, такая скромная, что хотелось немедленно умыться. — Если позволите, я сама проведу испытание. Чтобы леди Эльвира не чувствовала себя оскорблённой чужими руками. Я искренне верю в её добрую волю.

«Какой ход, — подумала Алиса. — Просто ювелирная работа».

— Прекрасная мысль, дитя моё, — растроганно ответил король.

Зал одобрительно зашумел. Золотая нить над головой Сэры светилась ровным, торжествующим светом.

И только Алиса понимала, что произошло. Её нить оборвана. Любое «Испытание Светом» немедленно это покажет, а дальше всё как по сценарию: «неестественная», «колдовство», «тёмный умысел». Сэра не получила пощёчину. Зато получила кое-что получше: законный способ уничтожить Эльвиру Нотт без единого удара.

* * *

Алиса вышла на террасу, потому что в зале стало трудно дышать.

Здесь было тихо. Ветер доносил запах цветущих вишен, внизу, в саду, смеялись слуги. Тильда нашла её через минуту: запыхавшаяся, с растрёпанной косой, она держала в руках шаль так, словно это был спасательный круг.

— Миледи, вы... вы не упали в обморок, — выдохнула она. — Я боялась, что упадёте. Все боялись.

— Тильда. — Алиса не оборачивалась. — Что значит «связана обетом помолвки»?

— Что у дамы есть жених, миледи. Перед храмом их нити связывают вместе, и тогда она освобождена от испытаний. Считается, что жених отвечает за её нить. — Служанка замялась. — Это же... вы знаете, миледи. Вы мечтали об этом больше всех.

— Мечтала о чём?

— Чтобы вас связали с его светлостью, — прошептала Тильда и покраснела до корней волос. — С герцогом Авернем. Вы же... вы даже вышивали его вензель на платках. В прошлом году. А потом приказали сжечь, потому что он на вас не посмотрел.

Алиса повернулась очень медленно.

— Я вышивала его вензель.

— Да, миледи. Золотом.

«Мотивация злодейки, — подумала Алиса, и ей захотелось смеяться и плакать одновременно. — Хоть какая-нибудь. Вот она. Она была всё это время, на пятнадцатой странице, мелким шрифтом, в предложении про платки».

Эльвира Нотт не была «просто злой». Она была влюблена в человека, который её не замечал, и на её глазах рядом с ним расцветала другая. Автор написал это одной строкой и забыл. Алиса когда-то пометила её как «проходную деталь».

Профессиональная стыдливость кольнула так сильно, что она даже поморщилась.

— Тильда, где сейчас его светлость?

— Наверное, в Башне Архивов, миледи. Он каждый день там после приёма. Говорят, он проводит среди старых книг больше времени, чем среди людей.

Конечно. Глава четырнадцатая. Автор любил ту башню: пыльные лестницы, лампы на цепях, герцог над свитками в вечернем свете.

— Спасибо. — Алиса сжала её руку. — Ты очень помогла.

Тильда распахнула глаза так, что стало видно все веснушки.

* * *

Башня Архивов оказалась такой, как Алиса и представляла: круглое помещение на семь ярусов, деревянные галереи, приставные лестницы на медных рельсах, и повсюду книги, свитки, футляры с печатями. Пахло воском, бумагой и сухой пылью. После ароматов Розовой галереи этот запах показался Алисе почти родным.

Герцог стоял у конторки на нижнем ярусе, склонившись над разложенным пергаментом. Лампа на цепи освещала его профиль, острый и спокойный.

— Вы не стучите, — заметил он, не поднимая головы.

— Здесь нечем.

— Это правда. — Он выпрямился. — Вы пришли обсудить испытание.

— Вы слышали.

— Я присутствовал. — Каэль отложил перо. — Леди Сэра предложила провести его сама, и король согласился. Это очень разумно с её стороны. И очень неприятно для вас.

Алиса подошла ближе. В руке она всё ещё держала увядшую лилию: выбросить не поднялась рука, и теперь цветок свисал бурой тряпочкой.

— Если я пройду испытание, — сказала она, — выяснится, что моя нить оборвана. Вы видите нити, я полагаю, не один?

— Вижу. Немногие умеют. Сэра умеет. Старший жрец, вероятно, тоже.

— Значит, меня объявят одержимой, ведьмой, тёмной силой, или как тут называют таких, как я.

— «Нарушительницей нити». Приговор — отлучение от света и заключение в башне Храма. — Его голос оставался ровным. — Заметьте, что это не казнь. Это хуже: вас просто перестанут считать человеком.

«Хорошо, что у них нет средств массовой информации, — подумала Алиса. — Иначе формулировку растиражировали бы».

— Есть один способ обойти испытание, — продолжила

она вслух. — Помолвка.

— Да.

— Я прошу вас о ней.

Тишина повисла плотная, как пыль между стеллажами. Каэль смотрел на неё, и впервые за день на его лице что-то дрогнуло: не улыбка, скорее тень её.

— Вы просите, — медленно сказал он, — чтобы я объявил вас своей невестой. Вы, которая год ловила мой взгляд на приёмах и вышивала мой вензель на платках.

— Об этом вы знали?

— Всему двору известно, леди Нотт. Эльвира была не слишком скрытной.

— Я не Эльвира. — Слова вырвались прежде, чем она их обдумала. — То есть... я не та, что была вчера. Вы же сами сказали.

Он замолчал и несколько секунд просто смотрел. Затем обошёл конторку, не отводя взгляда, как человек, который решает, подходит ли к дикому зверю.

— Допустим, — произнёс он. — Что я получу от этой помолвки?

— Во-первых, возможность следить за мной вблизи. Вы же этого хотите. Во-вторых, вы убедитесь, что я не опасна. — Алиса вдохнула. — А в-третьих, я расскажу вам о нитях то, чего вы не знаете.

— Вы знаете о нитях то, чего не знаю я?

— Не всё. Но кое-что.

Серые глаза сузились.

— Вы уверены, что хотите предложить мне такой обмен?

— Нет. Но другого у меня нет.

Каэль постоял ещё немного, потом развернулся, подошёл к узкому окну и заложил руки за спину.

— Условия, — сказал он, не оборачиваясь. — Помолвка фиктивная. До Бала Первых Нитей и ни днём больше. По окончании бала вы получаете свободу, я получаю ответы. Все ответы, леди Нотт, не половину.

— Не все сразу, — возразила Алиса. — По одному в день. Пока вы держите слово.

— Это торг?

— Это страховка.

Он повернул голову. Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Вы ведёте переговоры как человек, привыкший, что подписывают то, что ему принесли.

— Я привыкла править договоры, — честно призналась Алиса. — Они всегда написаны так, будто составитель торопился.

— Хорошо. — Герцог кивнул. — Один ответ в день. Но он должен быть правдой.

— Правдой, — подтвердила она. — Может, не всей, но правдой.

— Сделка.

Он протянул ей руку. Алиса вложила в неё ладонь и ощутила неожиданно тёплое, сухое, уверенное прикосновение.

Нить на его запястье, истёртая, как старая верёвка, коснулась её пальцев, и по руке пробежала короткая колючая искра.

Каэль отдёргнул руку первым.

— Вы тоже почувствовали, — тихо сказала Алиса.

— Да.

— Это нормально?

— Нет.

Он смотрел на свою ладонь так, словно впервые видел собственную руку. Потом перевёл взгляд на цветок в её пальцах.

— Покажите.

Алиса молча протянула ему лилию. Бурые лепестки осыпались ему на ладонь, как пепел.

— Вторая, — сказал он.

— Что?

— Это вторая лилия за сегодня. — Он говорил очень тихо. — Первая увяла в оранжерее на рассвете. Той самой минутой, когда оборвалась ваша нить. Я нашёл её на подоконнике, прежде чем вы пришли.

Алиса вспомнила бурые лепестки, повисший стебель. Холод коснулся затылка.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что каждый раз, когда вы отступаете от того, что должно было произойти, что-то платит за это. Сегодня платили лилии. — Он поднял на неё глаза, и в них впервые не было ни холодной вежливости, ни любопытства.

Только очень сосредоточенная тревога. — Вопрос в том, что будет дорого стоить завтра.

За окном Башни медленно догорал закат, и нити над садом окрашивались в цвета старого золота.

Алиса стояла, держа в ладони горстку лепестков, и впервые подумала: возможно, переписывать сюжет окажется не так просто, как редактировать рукопись.

Потому что рукопись не мстит за правку.

Глава 5. Невеста на девять дней

Объявление сделали за ужином.

Золотая зала была второй по роскоши после Розовой галереи и первой по количеству свечей. Их здесь горели сотни, и потому в зале стояла такая жара, что дамы обмахивались веерами, как после бега. За длинным столом сидел весь двор. Король Ориан возглавлял стол, укутанный в горностаи, и рассеянно ковырял вилкой что-то мясное.

Алиса сидела между двумя незнакомыми лордами, которые старательно делали вид, что она не существует. После утреннего «примирения» они не знали, как с ней обращаться: бояться по-старому или улыбаться по-новому. Выбрали нейтральный вариант: молчать и жевать.

Каэль появился в дверях, когда подали десерт.

Он прошёл через зал так, как ходил всегда: прямой, собранный, не глядя по сторонам. Придворные провожали его глазами. Кто-то из дам вздохнул, кто-то нахмурился, а леди Мирабель Вейл, сидевшая напротив и ослепительная в платье цвета вина, едва заметно подалась вперёд, как кошка при виде птицы.

Герцог остановился у королевского места и поклонился.

— Ваше величество, я прошу позволения обратиться к залу.

— Говорите, мой мальчик, — отозвался король с набитым

ртом. — Только недолго. Мне подали пирожные.

Каэль выпрямился и повернулся к столу. Алиса мысленно сжала салфетку. Она знала, что сейчас произойдёт, и всё равно ощущала себя пассажиром, которого вот-вот катапультируют.

— Милорды и миледи, — ровно произнёс герцог. — Я прошу руки леди Эльвиры Нотт.

В зале стало так тихо, что Алиса различила, как потрескивает воск на ближайшей свече.

Потом кто-то уронил вилку. Кто-то поперхнулся вином. Дама в жемчугах, та самая, что утром отвернулась к окну, медленно прижала ладонь ко рту. Лорды по обе стороны от Алисы застыли с таким выражением, будто им только что сообщили, что завтра рассвет не наступит.

— Леди Нотт, — герцог повернулся к ней и протянул руку. — Вы согласны?

Алиса поднялась. Колени держали подозрительно хорошо.

— Согласна, ваша светлость, — сказала она, и голос Эльвиры, низкий и бархатный, прозвучал так спокойно, словно она только что подписывала счёт за кофе.

Король Ориан отложил вилку. Лицо его озарилось такой трогательной радостью, что Алисе стало почти стыдно.

— Двойное примирение! — воскликнул он и захлопал в ладоши. — Какой добрый день! Я всегда говорил, что из вас получится прекрасная пара!

«Вы не говорили, — подумала Алиса. — Вы говорили, что Каэлю пора жениться на разумной женщине, а не на отравительнице».

Хлопки рассыпались по залу, редкие, растерянные, но всё же хлопки. Потому что хлопал король, а когда хлопает король, придворные хлопают тоже.

Каэль достал из внутреннего кармана тонкий серебряный шнур, свитый из десятка нитей, и осторожно взял Алису за запястье. Прикосновение вышло деловым, почти клиническим. Он перехватил её руку так, чтобы шнур лёг точно поверх оборванной нити, и завязал узел.

От узла по коже пробежала короткая, колючая искра.

— Обручальная нить, — тихо пояснил он, не поднимая глаз. — Обычно её вяжут перед храмом, но королевский указ допускает объявление при дворе. Связывание в храме совершается через месяц.

— А если через месяц нас не будет связывать?

— Тогда месяц — это очень долго. — Он затянул узел. — Но у нас девять дней.

Серебряный шнур лёг на запястье, как браслет, и скрыл то, что нельзя было показывать. Алиса провела большим пальцем по узлу и заметила: оборванная нить под ним исчезла. Просто пропала, как стёртая строчка.

«Корректор бы это оценил, — подумала она. — Чистая работа».

Подняв глаза, она встретила взглядом с Сэрой.

Святая сидела на другом конце стола, в белом, с неподвижной улыбкой на губах. Золотая нить над её головой ярко светилась. Но улыбка впервые за этот день не была безупречной: в уголке рта дрогнула тонкая линия. Второй раз за сутки сюжет пошёл не по её плану.

Сэра медленно подняла бокал и отсалютовала им, как дуэлянт перед выстрелом.

* * *

Её поймали в коридоре.

Алиса шла от Золотой залы к своим покоем, под руку с воздухом, потому что Каэль, едва закончился ужин, откланялся с вежливым «спокойной ночи, леди Нотт» и исчез. Для фиктивного жениха он был великолепно убедителен в деловой части и бесподобно отсутствовал в личной.

— Леди Эльвира.

Мирабель Вейл стояла у окна, прислонившись к раме, и пальцами с кольцами лениво вертела веер. Она была красива той красотой, которую хочется назвать холёной: чёрные волосы, уложенные в безупречную башню, высокие скулы, узкие тёмные глаза. Казначейская дочь, первая дама двора по версии сплетников и вторая по версии самой Мирабель, которая искренне считала первой себя.

— Леди Мирабель, — Алиса остановилась. — Желаете поздравить?

— Желаю понять. — Мирабель улыбнулась так, будто разглядывала редкое насекомое. — Утром вы приняли лилию.

К вечеру стали невестой самого неприступного мужчины королевства. Я всегда знала, что вы умны, Эльвира. Но не подзревала, насколько.

— Я просто выпалась.

— Это видно. — Веер щёлкнул. — Позвольте дать вам совет, как старой знакомой. Помолвки, как и нити, дорогая, рвутся. Особенно те, что скреплены страхом.

— А те, что скреплены расчётом?

— Эти реже. Но больнее.

Она отделилась от окна, прошла мимо, слегка задев Алису плечом, и добавила, не оборачиваясь:

— Я присмотрю за вашим счастьем. Очень внимательно.

Нить над её головой, тонкая, серебристая, чуть натянутая, змеей тянулась к концу коридора, к двери в кабинет казначея. Алиса запомнила это. Редакторская привычка: каждое «внимательно» в тексте обычно означает, что автор готовит сюжетный ход.

* * *

Отец ждал её в гостиной.

Алиса вошла в свои покои, готовая рухнуть на кровать прямо в платье, и обнаружила в кресле у камина худого мужчину с седыми висками. Он вскочил, едва открылась дверь, и растерянно задел локтем столик. Фарфоровая чашка покатилась по ковру.

— Лорд Нотт, — прошептала Тильда, замершая у стены.

— Он приехал полчаса назад, миледи. Сказал, что подождёт.

Маркиз Освальд Нотт.

В романе он занимал ровно четыре страницы. «Холодный и властный, он не интересовался дочерью, кроме как в качестве политического актива». Так писал автор, и Алиса, помнится, поставила на полях вопросительный знак.

Теперь она понимала, откуда у этого вопросительного знака ноги. Перед ней стоял усталый человек лет пятидесяти пяти, в мятом дорожном камзоле, с чернильными пятнами на пальцах и такими тревожными глазами, какие бывают у людей, которые не спали несколько ночей подряд. Он не был холодным. Он был испуганным.

— Эльвира, — сказал он. — Я приехал, как только получил письмо от канцлера. Я... я не понял. Это правда? Ты обручена?

— До бала, — честно ответила Алиса.

Маркиз прикрыл глаза.

— Господи, — выдохнул он. — Значит, ты всё-таки сделала это.

— Что именно?

— Нашла выход. — Он провёл ладонью по лицу. — Я боялся, что ты не успеешь.

— Отец, — осторожно сказала Алиса, потому что слово это легло на язык странно, но не чуждо, — мне нужно, чтобы вы объяснили, что именно вы знаете.

Он посмотрел на неё долго. В его глазах отразились отблески камина, и Алисе показалось, что она видит там ста-

рое, застарелое горе, которое ни разу не было названо вслух.

— Я не знаю ничего, — тихо сказал он. — Я знаю только, что вчера вечером ты пришла ко мне в кабинет. Первый раз за пять лет. Ты постояла в дверях, потом сказала: «Папа, спасибо, что ты никогда не пытался меня сломать, хотя я очень старалась тебя разозлить». И ушла. А потом, перед самой ночью, прислала это.

Он вынул из внутреннего кармана маленький конверт, запечатанный простой красной печатью без герба. На лицевой стороне чёрными чернилами было выведено: *«Мне. Утром. Если я проснусь не собой»*.

Алиса не сразу смогла взять его.

— Я не понял, что это значит, — сказал маркиз. — Ты велела отдать только тому, кто откроет глаза «другим». Лакей сказал, что утром ты была какой-то... странной. А потом пришло письмо о помолвке. Я не знаю, о чём ты думала, дочь. Но если это ты написала... значит, ты знала.

Она наконец взяла конверт. Бумага была шершавой, чуть влажной, словно её долго сжимали ладонью.

— Спасибо, — выговорила Алиса. — Отец... вы можете оставить меня на минуту?

Маркиз молча кивнул, неловко поклонился, тихо вышел, сделав знак Тильде. Дверь закрылась.

Алиса села на край кровати. Свеча потрескивала, за окном густела ночь. Она поддела печать ногтем, и воск раскрылся, как сухой хлеб.

Внутри оказался один-единственный листок. Почерк был узким, острым, с нажимом, в котором угадывалась усталая рука. Она узнала бы его где угодно. Так писали рукописи, которые приходилось править по ночам.

Первая строка гласила:

«Здравствуй. Если ты читаешь это, значит, у меня получилось».

Глава 6. Письмо, которое написала злодейка

Алиса читала письмо при свече.

Руки у неё дрожали, и пламя дрожало вместе с ними, отчего строки на листе казались живыми. Почерк был резким, торопливым, с сильным нажимом, словно человек писал и боялся, что его перебьют.

«Здравствуй.

Если ты читаешь это, значит, у меня получилось. Не знаю, как ты выглядишь и откуда ты. Знаю только, как ты пишешь: мелко, наискось и с ужасным нажимом на слове «хоть».

Меня зовут Эльвира Нотт, и это обо мне ты писала на полях.

С месяца Снегопада я вижу их: слова, висящие в воздухе рядом с моими нитями. Сначала я думала, что схожу с ума. Потом поняла, что на меня смотрят. Кто-то читает меня и задаёт вопросы. «Мотивация злодейки? Хоть какая-нибудь?» Этот вопрос висел над моей кроватью целую неделю.

Никто в этом мире никогда не спрашивал меня «почему». Меня только боялись. Я отвечала тебе вслух по ночам, в пустой комнате. Не знаю, слышала ли ты.

Вот мой ответ. Я люблю человека, который никогда на меня не посмотрит, и ненавижу девушку, на которую он

смотрит так, будто всё уже решено. Это не оправдание. Просто причина.

Три месяца назад в нашем храме умерла Сэра. Не телом: телом она ходит и улыбается. Но та Сэра, которую я знала, краснела при лордах и боялась собак. Эта не боится ничего. Она читает слова в воздухе, как открытую книгу, и, кажется, радуется им. Она знает, чем всё кончится. И хочет, чтобы конец наступил.

В храмовом архиве я нашла запись: нить можно перерезать, если позвать по имени того, кто смотрит с другой стороны. Твоё имя стояло под каждой пометкой. Алиса. Я писала его на каждом листе, пока не заболела рука. Потом сожгла все листы. Прошлой ночью оно ответило.

Если ты здесь, значит, я там, откуда пришла ты. Хочу верить, что там добрее.

Теперь слушай внимательно, потому что у меня мало времени и ещё меньше бумаги.

Первое. Тильда боится меня не потому, что я её била, а потому, что ей некуда уйти. Береги её.

Второе. Не принимай из рук Мирабель Вейл ничего, что можно выпить.

Третье. Герцог видит нити. Не знаю, что он делает с ними на самом деле, но однажды ночью я видела, как он стоял с нитью в руке и тихо ругался. Он не враг и не друг. Он человек, который что-то должен.

Четвёртое. Отец не знает ничего, но он единственный,

кто хотя бы пробовал. Не будь с ним жестока, как была я.

И последнее. Я не злодейка. Я просто никому не успела объяснить. Береги мою жизнь, как свою: теперь это одно и то же. Хотя бы раз в этом мире пусть кто-то прочитает меня до конца.

Э.»

Алиса дочитала и долго сидела неподвижно, прижимая листок к груди.

Свеча догорала. В камине осыпалось полено. Где-то в коридоре гулко отбили часы, но она не сосчитала удары.

Она привыкла читать чужие письма. Она сотни раз писала на полях «вычеркнуть», «слабо», «непонятна мотивация». Но ни разу ей не отвечали. Ни разу персонаж не вставал из рукописи, не смотрел на неё и не говорил: «Ты была единственной, кто спросил».

— Прости, — сказала Алиса вслух, и голос Эльвиры, низкий и хрипловатый, прозвучал в тишине непривычно мягко. — Я должна была написать не вопрос. Я должна была написать «пожалуйста, объясните ей хоть кто-нибудь».

Тильда вернулась неслышно: Алиса заметила её, только когда служанка поставила на столик чашку с чем-то горячим.

— Ромашка с мёдом, миледи. Вы всегда пили её, когда не спали. Только раньше просили, чтобы я варила её молча. — Она замялась. — Вы плакали?

— Нет. — Алиса провела ладонью по щеке и обнаружила, что щека мокрая. — То есть да. Немного. Ничего страшного.

Тильда поколебалась и вдруг тихо, едва слышно сказала:
— Вы стали другой, миледи.

— Я знаю.

— Мне... мне это нравится, — выдохнула она и тут же испугалась собственных слов. — То есть... я не хотела...

— Тильда. — Алиса взяла её за руку. — Мне тоже нравится, что ты со мной рядом. Спасибо.

Девушка покраснела до самых ушей и принялась с большим усердием поправлять складки на покрывале.

— Расскажи мне про Сэру, — попросила Алиса, когда та немного успокоилась. — Но не про святую, а про человека. Какой она была раньше?

Тильда задумалась, водя пальцем по краю подноса.

— Тихой, миледи. Очень. Она ходила, опустив голову, и краснела, если лорды заговаривали с ней. Лечила руками, но потом сама сидела в храме бледная, как стена. Однажды я видела, как она плакала над раненым голубем, а послушницы смеялись. — Она нахмурилась. — А на Праздник Свечей, в начале зимы, она слегла в горячке. Три дня никого не пускали. А когда встала... — Тильда запнулась. — Все сказали, что она просветлела. Улыбается. Говорит громко. Лорды теперь краснеют сами.

— Она тебя узнаёт?

— Нет, миледи. — Служанка опустила глаза. — Раньше она знала по имени всех слуг в храме. Теперь смотрит сквозь. Но я думала, святым так положено.

«Святым положено, — подумала Алиса. — А вот редакторам положено замечать, когда персонаж внезапно меняет голос».

Она аккуратно сложила письмо, вернула в конверт и спрятала на груди, под корсаж. Тильда, поняв, что разговор окончен, проверила огонь в камине, задула лишние свечи и тихо вышла, оставив Алису одну.

* * *

Алиса долго стояла у окна.

За стеклом лежала ночь, чёрная и густая, с редкими огнями дворца. Серебряные нити висели над садом едва видимыми паутинками. Они не светились, как днём, а лишь слабо поблёскивали в лунном свете.

Что бы Эльвира ни сделала, она сделала это ради спасения. И теперь вся эта история, весь этот лживый и красивый мир принадлежал Алисе, и она не имела права его испортить.

— Я прочитала, — сказала она вполголоса, обращаясь в пустоту. — До конца.

Тишина.

Потом стекло слегка запотело, будто на него подышали. Прямо по холодной поверхности, неторопливо, одно за другим, проступали слова. Они возникали из ниоткуда, тонкие, светящиеся, написанные чужой рукой.

«Неплохо, как для редактора».

Алиса не дышала.

Дело было не в словах. Дело было в запятой. Единственной запятой перед «как», которую автор «Света для Лирона» упрямо ставил всегда и везде, ровно так же, как ставил её в тридцать седьмой главе, когда Алиса последний раз видела мир таким, каким он был.

Слова медленно растаяли.

Алиса опустилась на подоконник. Она вспомнила всё сразу: пометки на полях, мессенджер, ответ про «просто злую», золотую нить над головой Сэры, которую никто, кроме неё и герцога, не видел.

Она подумала, что сюжет, пожалуй, не просто даёт трещину.

Кто-то по ту сторону страницы не просто перестал писать. Он начал читать её в ответ.

Глава 7. Урок первый: смотреть влюблённо

Утро началось с того, что Алиса сорвала со стены календарь.

Календаря как такового в спальне не оказалось, зато у кровати нашёлся толстый блокнот в кожаной обложке, исписанный до половины ровным и очень аккуратным почерком Эльвиры. Алиса открыла его на первой странице и с облегчением выдохнула: списки. Эльвира, как выяснилось, обожала списки. «Кого уволить из прислуги», «кому отомстить», «что надеть на приём»...

Она вырвала эти страницы, свернула в трубку и отдала Тильде.

— Сожги, пожалуйста. Только очень тихо.

— Весь список мести, миледи? — Тильда округлила глаза.

— Но там же... там одиннадцать человек, и лорд Гаррен, и сапожник, который...

— Весь, — подтвердила Алиса. — Особенно сапожника.

На чистой странице она написала жирным: «**ДЕНЬ 2. Осталось 88**». Рядом поставила три колонки: «Что изменилось», «Чем заплачено», «Кто знает».

В первой колонке уже стояло четыре пункта: пощёчина, приём, помолвка, письмо. Во второй, после долгого раздумья, она вписала: «Две лилии». В третьей одну строчку: Сэ-

пра. Каэль (частично). Автор?

Последнее слово она подчеркнула дважды и сразу же перечеркнула.

Потом подошла к окну и осмотрела стекло. Чистое. Ни надписи, ни дыхания, ни следа от чужих пальцев. Алиса сказала себе, что у неё слишком живое воображение и слишком мало сна, и пошла завтракать.

* * *

Записку принесли вместе с чаем.

«Сад. Одиннадцать. Двору нужно нас видеть. К. А.»

— Он всегда так лаконичен? — спросила Алиса у Тильды.

— Не знаю, миледи. Раньше он вам не писал.

— Резонно.

В одиннадцать она вышла в сад, положив на запястье поверх серебряного шнура тонкую шаль. Утро выдалось тёплым, слегка сонное: пчёлы гудели над цветущими вишнями, на дорожках лежали ровные квадраты солнца. Придворные прогуливались парами, нарочито не глядя друг на друга. Но Алиса чувствовала их взгляды кожей, как сквозняк.

Каэль ждал у розовой беседки. Он стоял, заложив руки за спину, и смотрел на пруд с такой сосредоточенностью, словно в воде плавали государственные тайны.

— Вы опоздали на три минуты, — сказал он вместо приветствия.

— Я выбирала шаль.

— Из тридцати?

— Из двух. Остальные двадцать восемь были слишком чёрными.

Уголок его рта едва заметно дрогнул. Каэль предложил ей руку, и Алиса, мысленно выдохнув, взяла его под локоть. От ладони по предплечью пробежала короткая искра.

— Вы чувствуете это постоянно? — тихо спросила она.

— Только рядом с вами. — Он повёл её по дорожке, не глядя, а лишь чуть наклонив голову, как человек, обсуждающий погоду. — Вчера вечером я просмотрел архивы. Подобных случаев там нет. Нити могут быть сплетены, натянуты, порваны. Но чтобы одна оборвалась и осталась жить, этого в записях не значит.

— Тогда я пополню вашу коллекцию.

— Не шутите. — Голос стал серьёзнее. — Мы договорились об ответах. Сегодняшний за мной. Вы спрашиваете?

Алиса помедлила. Столько вопросов, а выбрать нужно один.

— Почему ваша нить так намотана? — спросила она наконец. — Вчера я видела её на вашем запястье. Она выглядит так, будто её годами пытаются порвать.

Шаги герцога чуть замедлились. Несколько секунд он молчал, и она уже решила, что вопрос был ошибкой.

— Потому что я не хочу идти туда, куда она меня ведёт, — сказал он наконец, очень ровно. — Каждое утро она тянет меня в одну сторону. Я пять лет стою на месте. Или иду в другую сторону. Этого достаточно для завязывания узла.

Алиса знала, куда ведёт его нить. В романе Каэль влюбляется в Сэру на пятой главе, не раньше и не позже, потому что так написал автор. Нить, видимо, и была этим «автором»: тонкая, послушная, шепчущая «иди».

И он пять лет сопротивлялся.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За правду.

— Теперь ваша очередь.

Алиса сжала пальцами его рукав.

— Меня зовут Алиса. Я не из этого королевства. Я не колдовала, не продавала душу и не знаю, как порвала нить. Это не весь ответ, но он правдив.

Каэль ничего не ответил. Они прошли ещё несколько шагов, прежде чем он произнёс:

— Алиса.

Она вздрогнула. Имя в его устах прозвучало странно, будто оно было написано другим шрифтом.

— Не называйте меня так при людях.

— Я и не собирался. Но мне хотелось услышать, как оно звучит.

— И как?

— Непривычно, — сказал он. — И, пожалуй, лучше, чем «Эльвира».

Она открыла рот, но придумать ответ не успела: к ним уже приближалась леди Мирабель Вейл.

* * *

Мирабель шла по дорожке в сопровождении двух фрей-

лин, и её кружевной зонтик покачивался в такт шагам. Она улыбалась так, будто сорвала джекпот.

— Дорогие мои, — пропела она, останавливаясь. — Какое утешение видеть вас вместе. Все мы так переживали за вас, Эльвира. Позвольте угостить вас: я распорядилась, чтобы в беседке накрыли чай.

Слуга в белых перчатках уже расставлял на столике фарфор. Над чашками поднимался тонкий пар, пахло бергамотом и чем-то цветочным. Две чашки стояли чуть ближе к краю, чем остальные. Алиса отметила это раньше, чем сообщила, зачем.

«Не принимай из рук Мирабель Вейл ничего, что можно выпить».

— Как мило, — сказала она. — Но я, пожалуй, откажусь. Улыбка Мирабель осталась на месте, а вот глаза чуть сузились.

— Откажетесь? От моего чая?

— Я теперь пью только то, что наливаю сама. — Алиса взяла чайник, налила воды в пустую чашку и отпила глоток. — Новая привычка. Рекомендую всем, кто боится сюрпризов.

Фрейлина справа тихо ахнула. Каэль рядом даже не шелохнулся, но Алиса почувствовала, как его пальцы чуть сильнее сжали её локоть.

— Какая странная причуда, — проговорила Мирабель.

— Вы удивитесь, сколько их у меня появилось за послед-

ние сутки.

Мирабель отвернулась, взмахнула зонтиком, бросила на Каэля быстрый, острый, нечитаемый взгляд и удалилась, увлекая за собой фрейлин. Нить над её головой дёрнулась, натянулась, точно рыба на крючке.

Когда она исчезла за поворотом, Каэль тихо произнёс:

— Это было неосторожно.

— Это было необходимо.

— Вы уверены, что в чашке что-то было?

— Нет. Но я уверена, что у меня нет права на ошибку. — Алиса выдохнула и вдруг ощутила, что у неё дрожат колени. — Простите, ваша светлость. Я, кажется, слегка устала от собственной храбрости.

— Тогда держитесь за руку покрепче, — невозмутимо сказал герцог. — Нас смотрит половина двора.

* * *

Посланец из Храма появился ближе к полудню.

Это был молодой жрец в серой рясе, бледный, с испуганными глазами. Он поклонился так низко, что едва не уронил свиток, и дрожащим голосом зачитал:

— Верховный жрец Бранн и Светлая Сэра просят его светлость герцога Аверна и леди Эльвиру Нотт явиться сегодня на закате в Храм Первой Нити для Осмотра Обручальной Связи.

— Для чего? — переспросила Алиса.

— Для проверки, миледи, — виновато пояснил жрец. —

По закону, всякую помолвку, объявленную вне храма, следует освидетельствовать в течение трёх дней. Чтобы убедиться, что нить связана по доброй воле.

— И что будет, если окажется, что нет?

Жрец побледнел ещё сильнее.

— Тогда связь разрывается, миледи. И... и оба признаются введенными в заблуждение его величеством.

Он поспешно поклонился и исчез, словно боялся, что его заставят объяснять подробнее.

Алиса медленно повернулась к Каэлю.

— Сэра, — сказала она. — Она нас проверит.

— Да.

— И она увидит, что связь фальшивая.

— Если мы ей это позволим. — Он смотрел на неё внимательно, изучающе. — Нить не чувствует слов. Она чувствует расположение. Если между людьми нет ничего, она остаётся серебряной. Если есть симпатия, любопытство, привязанность, она светлеет, золотится.

— У нас нет ничего.

— У нас есть искры, — поправил Каэль. — Это уже что-то. Но этого мало.

— Значит, нужно сыграть.

— Нужно, чтобы она поверила. — Он остановился и повернулся к ней лицом. — У нас шесть часов. Я не умею притворяться, вы, судя по вчерашнему, умеете плохо. Но есть вещи, которым можно научиться за вечер.

— Например?

— Урок первый, — сказал герцог, глядя ей прямо в глаза.

— Смотрите на меня так, будто я вам нравлюсь.

Алиса моргнула.

— Вы шутите.

— Нисколько.

— Хорошо.

Она сосредоточилась, постаралась придать лицу выражение нежной влюблённой заинтересованности и устремила на него долгий, мечтательный взгляд.

Каэль смотрел на неё секунд десять. Потом вздохнул.

— Вы смотрите на меня как на неоплаченный счёт.

— Я смотрю с обожанием!

— Вы смотрите, как человек, который прикидывает, сколько сил потребуется, чтобы этот счёт закрыть.

— Это и есть обожание, — упрямо сказала Алиса. — В моей прошлой жизни это называлось «заботиться о проекте».

В глубине серых глаз мелькнуло что-то тёплое и неожиданно живое. Каэль покачал головой и тихо, почти неслышно, усмехнулся.

— Тогда у нас очень много работы, леди Нотт.

— Алиса, — поправила она. — Когда никто не слышит.

Он помолчал.

— Алиса, — повторил он. — Урок второй.

Глава 8. Храм Первой Нити

Алиса вычеркнула цифру «88» и написала «89». Редактор в ней не выносил арифметических ошибок даже на собственном календаре.

Потом закрыла блокнот и отправилась на уроки.

Урок второй проходил в малой библиотеке, где никому не пришло бы в голову их искать. Каэль заранее велел убрать оттуда слуг и поставил у дверей молчаливого стражника, который смотрел в стену с видом человека, давно понявшего, что любопытство вредит карьере.

— Руки, — сказал герцог.

— Что руки?

— Дайте мне руку. И не отдёргивайте.

Алиса протянула ладонь. Каэль взял её осторожно, как берут вещь, не вполне уверенный, что она не разобьётся. Пальцы у него оказались тёплыми и сильными, с мозолью на внутренней стороне указательного, какая бывает от долгой работы пером. Серебряный шнур на её запястье чуть потеплел.

Прошло десять секунд. Двадцать. Минута.

— Вы напряжены, — заметил он.

— Вы тоже.

— Я не напряжён. Я сосредоточен.

— Ваша рука, ваша светлость, сжата так, будто я могу убежать с казной.

Он помолчал и заметно расслабил пальцы.

— Лучше?

— Намного.

— Хорошо. Запомните это ощущение. Оно должно оставаться на вашем лице, даже когда я говорю что-нибудь невыносимо скучное.

— Например?

— Например, — начал Каэль с лицом человека, читающего казённую бумагу, — о налоге на соляные ввозы в южных провинциях, который в этом году составил сорок два процента от...

Алиса моргнула, потом улыбнулась ему так мягко и внимательно, как слушают любимого человека, рассказывающего о неудачном дне.

— Продолжайте, — сказала она. — Я обожаю цифры.

Каэль запнулся.

— Это было... убедительно.

— Это называется «стаж в редакции». Когда автор три часа пересказывает сюжет по телефону, привыкаешь слушать с выражением глубокой заинтересованности. — Она помедлила. — Хотя сорок два процента в соляных ввозах звучит как ошибка. Вы проверяли расчёты?

Герцог молча посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на раскрытую на столе папку.

— Нет, — признал он. — Не проверял.

— Дайте.

Через двадцать минут они сидели над расчётами по разные стороны стола, и Алиса, водя пальцем по столбцам цифр, объясняла, что у писаря в графе «издержки на перевозку» запятая стоит не в том месте, а потому налог вышел в десять раз больше. Каэль слушал с лицом человека, который одновременно возмущён и впечатлён.

— Вы хотите сказать, — медленно проговорил он, — что три года моего ведомства считали налог с ошибкой в одну запятую?

— Запятые, ваша светлость, правят миром. Я знаю человека, который однажды потерял целую книгу из-за одной.

Он вдруг рассмеялся.

Тихо, коротко, как смеются те, кто разучился. Но это был настоящий смех, и Алиса, не успев подумать, засмеялась в ответ, просто потому, что звук был неожиданно мягким и очень хорошим.

Шнур на её запястье вспыхнул. Не ярко, на пару секунд. Тонкий золотой отсвет пробежал по серебру и погас.

Они оба замерли.

— Вот это, — тихо сказал Каэль. — Запомните.

— Я не знаю, как это повторить.

— Не повторяйте. Просто будьте тем, кем были сейчас.

Алиса кивнула. Она не сказала вслух, что в последний раз была собой так давно, что успела забыть, как это выглядит.

* * *

Уроки третий, четвёртый и пятый уместились в оставши-

еся четыре часа.

Они сочинили легенду.

— Вы заметили меня в храмовом саду, — предложила Алиса, постукивая пальцами по столу. — Я кормила птиц.

— Вы не кормите птиц.

— Теперь кормлю.

— Нас видели вместе только три раза за пять лет.

— Значит, вы очень скрытный человек. И очень влюблённый, раз скрывали до последнего.

Каэль приподнял бровь.

— Я? Влюблённый?

— Нужно же как-то объяснить, почему вы объявили о помолвке на ужине. Такие вещи обычно делают порывистые мужчины.

— Я не порывистый.

— Вот именно, — ответила Алиса. — Поэтому все будут думать, что это серьёзно.

Он помолчал и впервые за день кивнул без возражений.

Потом они отрабатывали жесты: как поправить ей прядь, как подать руку на лестнице, как поднять взгляд, когда другой говорит. Алиса выяснила, что Каэль, когда нервничает, потирает большим пальцем запястье, и что он ни разу в жизни не говорил женщине комплимент, не закончив его уточнением.

— Вы красивы, — сказал он на пробу, глядя в окно. — В объективном, разумеется, смысле.

— Это комплимент?

— Констатация.

— Попробуйте ещё раз. Без «разумеется».

Он помолчал, глядя на пылинки в луче света.

— Мне нравится, как вы поправляете чужие ошибки, — сказал Каэль наконец, очень тихо. — Вы делаете это так, словно они всегда были вашими.

Алиса отвернулась, потому что у неё внезапно загорелись уши.

— Сойдёт, — выдавила она.

— Это правда, — сухо добавил герцог. — Не комплимент. Констатация.

«Если он будет так констатировать, — подумала она, — мне понадобится вторая помолвка, чтобы вылечиться от первой».

* * *

Храм Первой Нити стоял на холме за дворцом, и к закату его белый камень стал розовым, как внутренность раковины. Купол с круглым отверстием в вершине пропускал последний свет прямо вниз, на мраморный пол, где в центре стояла Чаша Света: широкая, серебряная, налитая до краёв водой, в которой дрожало небо.

Вдоль стен горели свечи, а на алтарных ступенях стояли вазы с белыми лилиями. Их запах стоял в воздухе тяжёлой сладостью, и Алиса невольно напряглась.

Верховный жрец Бранн ждал их у чаши. Высокий, сухой, с

лицом, будто вырезанным из старого дерева, и глазами цвета мокрого пепла. Он поклонился ровно настолько, насколько требовал этикет, и ни на волос ниже. Рядом с ним, прямая и сияющая, стояла Сэра. Золотая нить за её плечом светилась ровно, как фонарь над порогом.

— Ваша светлость. Леди Нотт. — Голос жреца был сухим и скрипучим. — Благодарю, что пришли без промедления. Закон прост. Вы соедините запястья над Чашей. Если связь добровольна и основана на взаимном расположении, вода зацветится. Если нет...

— Она остаётся серой, — мягко закончила Сэра. — И мы будем вынуждены сообщить об этом королю. Мне так жаль, что приходится это делать.

«Тебе совсем не жаль», — подумала Алиса.

Они шагнули к чаше. Каэль протянул руку, Алиса вложила свою. Шнур обвил оба запястья, серебряная паутинка натянулась. Она посмотрела в воду.

Вода лежала тихая, серая, ровная. Ни искры.

Секунды тянулись, как мёд. Одна. Три. Пять. Свечи вдоль стен потрескивали, жрец молчал, Сэра смотрела на воду с выражением, которое Алиса не смогла бы описать иначе, чем «вежливое ожидание победы».

— Увы, — произнесла Сэра, и в её голосе зазвенело сочувствие, такое искреннее, что хотелось поверить. — Кажется, что-то мешает связи. Ваша светлость, леди Эльвира... Я не хочу делать поспешных выводов, но, видимо, вы...

— Подождите, — сказала Алиса.

Она не знала, что скажет дальше. Все уроки вылетели из головы. Каэль стоял рядом, прямой и неподвижный, и его ладонь в её руке была тёплой и спокойной, и она вдруг очень ясно поняла: если вода останется серой, он потеряет не меньше, чем она.

Она повернулась к нему, глядя прямо в серые глаза.

— Я боюсь, — сказала она тихо, так, чтобы слышал только он. — Очень. Я здесь два дня, и мне страшно каждую секунду. И единственный человек, рядом с которым мне чуть-чуть не страшно, это вы. Не знаю почему. Это неправильно, я знаю вас всего два дня.

Каэль смотрел на неё. Что-то на его лице медленно менялось: не маска падала, а словно приоткрылась дверь.

— Пять лет, — произнёс он негромко, — я не доверял никому. Это не гордость, а привычка. — Он сжал её пальцы чуть сильнее. — Сегодня я сделал исключение дважды. Я бы сказал, что это много.

Серебряный шнур дрогнул.

Золотая искра пробежала по нему, как по фитилю. Вода в Чаше дрогнула, забурлила, и вдруг по ней разошёлся свет: мягкий, тёплый, золотой, поднявшийся к самому куполу. Лучи легли на стены, на лица, на высокие вазы с лилиями.

И лилии одна за другой начали вянуть.

Лепестки темнели, скручивались, осыпались на мрамор бурым дождём. Все цветы в храме, все до единого, поник-

ли за несколько вздохов, будто их коснулось дыхание зимы. Пламя свечей дрогнуло и пригнулось. В тишине раздался тихий вздох: молодой послушник у стены медленно осел на пол.

— Свет принял связь, — произнёс Бранн.

Голос у него был ровный, но пальцы, сжимавшие посох, побелели. Он смотрел не на воду и не на Каэля. Он смотрел на Алису, пристально, неподвижно, так, как смотрят на явление, которое слишком давно описано в старых книгах.

Сэра не двигалась. Золотая нить над её головой горела по-прежнему, но лицо святой стало цвета свежего снега.

* * *

На ступенях храма стоял вечер, полный запаха нагретого камня и вишни.

Алиса шла рядом с Каэлем и пыталась дышать ровно. Ноги были ватными. Хотелось сесть прямо на ступени и некоторое время не существовать.

— Вы сделали это, — сказал герцог.

— Мы сделали это.

— Нет. — Он остановился. — Вы. Я бы не нашёл слов.

— Вы нашли.

— Это были не слова. — Он потёр запястье большим пальцем, и Алиса заметила, как его лицо странно застыло.

— Алиса.

— Да?

— Посмотрите.

Она посмотрела. Нить на его запястье, та самая, истёртая, намотанная тугими витками, как верёвка на причале, выглядела иначе. Один виток, самый нижний, ослаб. Лёг свободно, небрежно, как расстёгнутый ремешок.

— Это хорошо? — тихо спросила она.

— Не знаю. — Он смотрел на свою руку так, словно видел её впервые. — За пять лет такого не случилось ни разу. Даже во сне.

Позади них осыпались последние лепестки, оставшиеся на пороге. Ветер подхватил их и понёс по ступеням, как ко-ричневый снег.

Алиса вдруг подумала, что в записях Каэля нет ответа на вопрос, который беспокоил её больше всего. Что платит мир, когда в нём меняется один человек? И кто платит, когда меняется сразу двое?

Глава 9. Полночь в храмовом саду

Послушник нашёл её в коридоре, когда она уже собиралась лечь.

Тот самый, что в храме осел на пол от увядших лилий. Парень лет девятнадцати, с острым носом и перепуганными глазами, держал в руках сложенную записку так, словно она могла взорваться.

— Л-леди Нотт. Светлая Сэра велела передать вам лично в руки. И никому не показывать.

Алиса развернула листок. Белая бумага с водяным знаком в виде лилии. Почерк круглый, аккуратный, школьный, почерк прилежной отличницы.

«Здравствуй, Алиса. Да, я знаю твоё имя. Храмовый сад, старая яблоня, в полночь. Приходи одна. Если не придёшь, завтра о тебе узнает весь двор. С.»

Она перечитала дважды. «Алиса», а не «Эльвира». Сэра не блефовала.

— Ты читал это? — спросила она.

— Нет, миледи! Клянусь Первой Нитью!

— Как тебя зовут?

Послушник вздрогнул, будто его спросили на древнем языке.

— Ромар, миледи.

— Спасибо, Ромар. Иди. И выпей воды, ты бледный.

Он поклонился так низко, что стукнулся лбом о косяк, и умчался прочь, на ходу бормоча что-то похожее на молитву.

Алиса вернулась в покои. Тильда стелила постель и тихо напевала, но, увидев хозяйку, оборвала песню на полуслове.

— Его светлость сейчас у короля? — спросила Алиса.

— Да, миледи. Говорят, совет затянется до утра.

Значит, спросить совета не у кого. Алиса села за столик, вытащила чистый лист и быстро написала: *«Храмовый сад, старая яблоня. Если до рассвета не вернусь, приходи»*. Запечатала воском и протянула Тильде.

— Отнесёшь это герцогу лично в руки. Но не раньше часа ночи. Если я к тому времени вернусь, сожжёшь, не читая.

Тильда взяла письмо двумя пальцами.

— Миледи... вы куда-то идёте?

— Просто поговорить. С одной очень вежливой женщиной.

— Это опасно?

Алиса подумала и решила, что лгать этой девчонке не стоит.

— Возможно. Поэтому ты и держишь письмо.

* * *

Храмовый сад был безлюден.

Луна стояла высоко, и в её свете белые дорожки казались нарисованными мелом. Пахло росой и молодой листвой. Где-то журчал ручей. Над садом, едва заметные, висели серебряные нити, тонкие, как паутина на рассвете.

Старая яблоня росла в дальнем углу, у самой стены. Скрюченная, раскидистая, вся в бело-розовой пене цветов. Под ней стояла скамья, а на скамье сидела женщина.

Алиса не сразу узнала её.

Никаких белых одежд. Никаких золотых лент. На Сэре был простой серый плащ с поднятым капюшоном, волосы падали на плечи спутанной волной. Ни ореола, ни застенчивой улыбки. Она сидела, подтянув колени к груди и обхватив их руками, как студентка на подоконнике общежития.

— Опоздала на две минуты, — сказала она.

— Ты тоже не пришла вовремя в мою жизнь.

Сэра коротко усмехнулась. Улыбка вышла кривой, совсем не святой.

— Присаживайся. Не бойся, я не кусаюсь. Днём это слишком заметно.

Алиса села на дальний край скамьи, оставив между ними расстояние, достаточное для побега.

— Тебя зовут Алиса, — сказала Сэра, глядя на цветущие ветви. — А меня Вика. В прошлой жизни я продавала рекламу для маркетплейсов. Ездила на метро два часа в одну сторону и читала в дороге. «Свет для Лирона» дочитала в последний день ноября. Закрыла приложение, подумала «какой красивый финал», и вдруг оказалась здесь. В храме, в горячке, под чужим именем.

Она говорила спокойно, без надрыва. Так рассказывают о трудной командировке.

— Первую неделю я думала, что сплю. Вторую неделю я думала, что умерла. На третьей поняла, что мне досталась роль героини. Ты представляешь, что это такое? Главная героиня в любимой книге! — Она наконец повернула голову, и Алиса увидела в её глазах странный свет, не святой, а глубоко, по-человечески голодный. — Я знала каждую сцену. Знала, кто кому улыбнётся. Знала, что в финале все счастливы.

— Кроме Эльвиры.

— Эльвира, — Сэра поморщилась, — это жертвенный элемент. Чтобы читатель вздохнул с облегчением, нужен кто-то, чья казнь покажет, что зло наказано. Так построены все сказки.

— Она живая.

— Она персонаж.

— Она писала мне письмо.

Сэра замолчала. Нить над ней, золотая, толстая, дрогнула.

— Какое письмо?

— Не твоё дело.

— Ты не понимаешь. — Голос Вики стал тише и жёстче.

— Я не хочу ей зла. Я хочу, чтобы книга закончилась. Потому что если она не закончится, то мы застрянем. Все. Нити не просто красивая метафора, Алиса. Они держат этот мир. Сюжет держит его, как скелет держит тело. Рвёшь нить, платит мир.

— Лилии?

— Лилии. Урожай в Нижних Холмах, который погиб за ночь, после того как ты выбрала зелёное платье. У старого лорда Гаррена остановилось сердце на третий день после твоего пробуждения. Да, я проверяла. У меня есть жрецы, у них есть отчёты.

Алиса почувствовала, как внутри что-то холодное и вязкое, как смола, медленно ползёт к горлу.

— Это совпадения.

— Проверь. Каждый твой шаг мимо сюжета стоит чего-то. Сначала цветы. Потом поля. Потом люди. — Сэра подалась вперёд. — Но есть выход. Если дойти до конца, все нити отпускают. Книга закрывается. Мы просыпаемся каждый в своём мире. Я смотрела записи Бранна: так написано в храмовом архиве. «Тот, кто пришёл из-за слов, уйдёт после последнего слова».

— И последнее слово это казнь Эльвиры.

— Или её исчезновение. Я не изверг. Я готова на любой вариант, где она выходит из книги живой. Но ты не даёшь мне ничего. Ты ломаешь всё.

Алиса молчала. Ветер шевелил цветы над головой, и лепестки медленно падали на её колени, на скамью, на плащ Сэры.

— Ты видела надпись на стекле? — вдруг спросила она. Сэра застыла.

— Какую надпись?

— Прошлой ночью. На окне. Кто-то написал: «Неплохо,

как для редактора».

Лицо Вики изменилось. Не страх. Что-то похожее на ревность.

— Он написал тебе.

— Кто?

— Автор. — Она произнесла это слово почти шёпотом, как имя возлюбленного. — Я читаю его десять месяцев. Слова висят в воздухе рядом с нитями: подсказки, пометки, обрывки черновика. Ни разу, ни единого раза он не ответил. А тебе... — Она резко отвернулась. — Конечно. Ты же его редактор.

— Я не его редактор. Я просто...

— Не надо. — Сэра встала, плащ упал с плеч. На мгновение Алиса увидела девушку без маски: уставшую, злую и очень, очень испуганную. — Послушай меня, Алиса. Я не хочу быть твоим врагом. Но я не позволю тебе разрушить то единственное, что у меня есть. Здесь меня любят. У меня есть имя, храм, герцог, будущее. Дома я была никем.

— Герцог тебя не любит. Он любит свободу.

— Он полюбит. Так написано.

— Нити ведут, Вика. Но он пять лет стоит на месте.

— Значит, мне придётся его подтолкнуть. — Сэра накинула капюшон. — Я даю тебе время до бала. Одумайся. Если Эльвира уйдёт, тихо, без шума, я обещаю, что никому не будет больно. А если нет...

Она шагнула к дорожке, но на пороге обернулась, и в лун-

ном свете её лицо снова стало ликом святой: безупречным, светлым, пугающе мягким.

— Начнут платить те, кто рядом с тобой. Первыми, как водится, те, кто добрее всех.

* * *

Алиса не помнила, как вернулась во дворец.

Она шла быстро, почти бежала, подхватив юбки. Часы на башне отбили час ночи, гулко, как удары по пустому ведру. Коридоры были тёмными и безлюдными. Лампы по стенам горели вполнакала, и тени от колонн ложились на пол длинными чёрными лентами.

«Не думай, — повторяла она про себя. — Не думай. Сэра может лгать. Сэра точно лжёт. Она слишком старательно...»

Свернув за угол, она остановилась.

У двери её покоев что-то лежало на полу.

Что-то маленькое, светлое, неподвижное.

— Тильда?

Девушка лежала на боку, подогнув колени, как ребёнок во сне. Русая коса растрепалась, веснушки выделялись на побелевшем лице чёрными точками. В кулаке она всё ещё сжимала запечатанное письмо.

Алиса упала на колени.

— Тильда! Тильда, слышишь меня?

Кожа служанки была холодной и влажной. Пульс бился где-то далеко, слабо и неровно, как птица в ладонях. Алиса подняла глаза, чтобы позвать на помощь, и увидела то, что

заставило её онеметь.

Над головой Тильды висела нить.

Ровная, серебристая, послушная нить, какой она была ещё утром. Но теперь она тускнела на глазах. Серебро выцветало в пепельно-серый, в самой середине шла тонкая трещина, и от неё, расползаясь вверх и вниз, медленно рвались волокна.

«Начнут платить те, кто рядом с тобой. Первыми те, кто добрее всех».

— Нет, — прошептала Алиса. — Нет, нет, нет...

Письмо выскользнуло из ослабевших пальцев. Сургуч на нём был цел. Тильда не успела отнести его.

Алиса подхватила девушку на руки, и лёгкое, почти неведомое тело показалось ей страшнее любого эшафота. Она не знала, какую цену взял мир за её вчерашний выбор.

И не знала, мир ли это сделал.

Глава 10. Цена

Алиса не стала звать лекаря.

Она уложила Тильду на свою кровать, укрыла одеялом до подбородка и впервые в жизни пожалела, что ничего не понимает в медицине. Девушка дышала редко и тихо, как человек, который очень устал. Нить над её головой тускнела с каждой минутой.

В коридоре у лестницы стоял ночной стражник, молодой и сонный. Он вытянулся при виде леди Нотт, стараясь не показать, что она пугает его.

— Найди герцога Аверна, — сказала Алиса. — Он на совете у короля. Скажи: «Эльвира, Тильда, срочно». Именно этими словами. Если не пустят, ломай дверь. Я отвечаю.

Стражник моргнул. Потом, видимо, что-то в её лице убедило его, потому что он развернулся и побежал, гремя доспехами на весь дворец.

Алиса вернулась в комнату и села на край кровати. Взяла Тильду за руку. Рука была холодной и очень маленькой, с обкусанными ногтями и следами от иголки на пальцах.

— Держись, — прошептала она. — Пожалуйста. Мне ещё нужно с тобой поговорить о том, что ты называешь меня «миледи» по десять раз на дню.

Тильда не ответила.

Каэль появился через одиннадцать минут. Он вошёл без

стука, в парадном плаще, наспех накинутом на плечи, и, не спрашивая, подошёл к кровати. Одного взгляда на нить ему хватило.

— Давно?

— Я нашла её в коридоре около часа. Она, кажется, потеряла сознание у двери. — Алиса сжала зубы. — Это из-за меня.

— Это не «из-за». — Он наклонился над Тильдой, и в тусклом свете лампы лицо его стало жёстким. — Я видел такое один раз. Надеюсь, что больше не увижу.

— Где?

— Позже. — Он выпрямился. — Лекарь ей не поможет. Нить пострадала не от болезни. Помочь могут только в храме.

— В храме Сэра.

— Или Бранн.

— Кому из них мы можем доверять?

Каэль помолчал.

— Никому, — сказал он. — Но Бранн хотя бы честно не любит меня.

* * *

Храм ночью казался вымершим.

Свечи горели вполсилы, жрецы спали, и только в центральном нефе под куполом, где днём стояла Чаша Света, теперь сидел один человек. Верховный жрец Бранн поднял голову, когда двери скрипнули, и не удивился.

— Я ждал вас, — сказал он, глядя на Алису. — Не сегодня, но ждал.

Каэль внёс Тильду на руках. Девушка казалась невесомой, как кукла. Он осторожно положил её на скамью у алтаря и отступил.

Бранн подошёл. Он двигался медленно, опираясь на посох, но когда склонился над Тильдой, в движениях не осталось ни старости, ни усталости. Сухие пальцы коснулись серой нити, не задевая её, и жрец долго молчал.

— Она не больна, — сказал он наконец.

— Я знаю.

— И не проклята. — Он поднял на Алису глаза цвета мокрого пепла. — Её нить изнасилась за одну ночь. Так не бывает. Такое случается только тогда, когда мир берёт плату.

— За что?

— За разрыв. — Бранн выпрямился. — Вы, леди, оборвали нить. Не вашу, нить мира. Он не может наказать вас прямо, потому что вас в нём нет. Поэтому берёт с тех, кто рядом. Это не жестокость. Это равновесие.

— Значит, Сэра говорила правду.

— Светлая Сэра говорит много вещей. Иногда они бывают правдой. — Бранн слегка поморщился. — Но она не договаривает главного.

— Чего?

— Что цену можно перенести.

Тишина стала такой плотной, что Алиса слышала соб-

ственное сердце.

— Как?

— Вы, леди Нотт, единственная в этом мире, у кого нет нити. А значит, вы единственная, через кого плата может пройти напрямую, минуя тех, кто рядом. — Он говорил ровно, как человек, зачитывающий древнюю запись. — Вы можете принять цену на себя. Но платить придётся не жизнью и не здоровьем. Платить придётся тем, что связывает вас с вашим прежним миром.

— Памятью, — сказала Алиса.

— Памятью, — подтвердил Бранн. — Тем, что держит вас там. Каждым таким платежом вы будете отпускать себя из дома. Много раз так сделать нельзя.

За спиной тихо стукнул посох, и в нефе зазвучали шаги.

— Бранн. — Голос был мягким, певучим, чуть сонным. — Ты ведь не собираешься учить её запретному ремеслу? В арке стояла Сэра.

Белая ночная накидка, золотые волосы, ореол света вокруг головы. Святая Лирона, спустившаяся из своей кельи. Но Алиса видела, что глаза у неё вовсе не сонные.

— Я слышала шум, — продолжила Сэра, подходя к скамье. — Бедная девочка. Позвольте мне.

— Нет, — коротко сказал Каэль.

— Ваша светлость, это моё призвание. — Она легко коснулась ладони Тильды. Кожа служанки на секунду порозовела и снова побледнела. — Я могу её вылечить. Прямо сейчас.

Но вы же знаете, Свет не даётся даром.

— Чего ты хочешь? — спросила Алиса.

— Всего лишь обещания. — Сэра подняла на неё взгляд, и в голубых глазах отразились свечи. — Откажитесь от помолвки. Публично, на балу, при короле. Освободите герцога от обязательств. Тогда Свет примет девочку, и никто не пострадает.

— Это шантаж, — произнёс Каэль.

— Это милосердие, ваша светлость. С условием.

Алиса молчала. Она смотрела на Тильду, на её тонкие плечи, на веснушки, на пальцы, всё ещё хранящие следы иголки. Девушка, у которой не было даже имени в рукописи. Девчонка, принёсшая ей ромашковый чай.

Потом она подняла голову.

— Нет, — сказала она.

В лице Сэры дрогнуло что-то быстрое и очень живое.

— Нет?

— Я не буду платить твою цену. — Алиса повернулась к Бранну. — Что нужно делать?

Бранн смотрел на неё долго. Сэра, побледнев, шагнула вперёд.

— Леди Эльвира, вы не знаете, что делаете...

— Знаю лучше тебя, — тихо сказала Алиса.

Бранн коротко кивнул.

— Положите руку ей на запястье. Ту, что с обручальным шнуром. И назовите вслух, чем платите.

* * *

Алиса опустила на колени у скамьи.

Руки у неё дрожали. Она осторожно положила ладонь поверх тонкого запястья Тильды, и серебряный шнур, связывающий её с Каэлем, чуть потеплел. Серая нить над головой служанки качнулась, как струна.

— Чем платить? — спросил Бранн.

Алиса закрыла глаза. Она перебирала воспоминания, как карточки в картотеке: вот редакция, вот ночные рукописи, вот лифт, в котором вечно не горит лампа. Вот дом. Вот лестничная клетка, пахнущая жареной картошкой. Вот мамин голос из кухни:

«Алиса! Иди ужинать, остынет!»

Она всегда отвечала: «Сейчас, ещё минутку». Всегда. Годами. Эта минутка давно растянулась на целую жизнь.

— Голос, — сказала она, едва слышно. — Голос моей мамы. Как она меня звала.

— Это серьёзная плата, — тихо сказал Бранн.

— Я знаю.

Каэль стоял за её спиной. Алиса почти физически ощущала его молчаливое присутствие, как стену, к которой можно прислониться.

— Принимается, — произнёс жрец и поднял посох.

Мир дрогнул.

Серебряный шнур вспыхнул, и нить Тильды, серая, истончившаяся, налилась светом. Серое уходило, как вода в песок,

уступая место чистому серебру. Трещина в середине стягивалась, волокна срастались, и через несколько ударов сердца нить снова стала ровной и крепкой.

А потом Алиса почувствовала, как что-то уходит.

Не больно. Хуже, чем больно. Словно из комнаты вынесли мебель, которая стояла на одном месте всю жизнь, и теперь на её месте осталась только светлая полоска от давно закрытого окна. Она попыталась вспомнить мамин голос и поняла, что помнит слова, но не помнит, как они звучали. Помнит, что мама звала. Не помнит, как.

Она открыла глаза, и мир вокруг расплылся.

— Алиса? — тихо спросил Каэль, и впервые в его голосе не было ни расчёта, ни осторожности.

— Всё хорошо, — сказала она, и сама услышала, как хрипло это прозвучало. — Просто... немного.

Тильда на скамье глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Миледи? — прошептала она. — Я... опять упала?

— Да, — ответила Алиса, улыбнувшись сквозь слёзы. — Но больше так не делай.

Позади раздался звук, тонкий и резкий, как треск льда. Сэра стояла неподвижно, сжав кулаки, и золотая нить над её головой дрожала от напряжения. Лицо святой больше не было ни светлым, ни ласковым. Она смотрела на Алису с яростью и странным, почти детским страхом: как человек, который был уверен, что у игры только одно решение, и вдруг обнаружил второе.

— Ты не должна была этого уметь, — сказала она очень тихо.

— Я не умела, — ответила Алиса. — Просто спросила.

Сэра развернулась и вышла, не оглянувшись. Золотой подол мелькнул в арке, и шаги стихли.

Бранн проводил её взглядом, потом перевёл глаза на Алису.

— Вы заплатили один раз, леди. Второй раз будет дороже. А третий... — Он покачал головой. — До третьего лучше не доводить.

* * *

Тильду они оставили в храме, в келье для гостей, под прищмотром молчаливой послушницы. Бранн лично пообещал, что до утра девушка не останется одна.

Они вышли в сад, когда над деревьями начало светлеть. Небо стало бледно-сиреневым, на траве выступила роса. Алиса шла медленно, потому что ноги слушались неохотно.

— Ты помнишь, — спросил Каэль, не глядя на неё, — что обещала отвечать на вопросы? И что я тоже?

— Помню.

— Сегодня моя очередь. Вторая правда.

Алиса молча кивнула.

— Я видел такую нить один раз, — сказал он тихо. — Пять лет назад. У девочки восьми лет. Её звали Лиара. Моя сестра.

Он остановился, и Алиса остановилась рядом.

— Нить вела меня туда, куда я не хотел идти. Я отказался. Нить не терпит отказа. И она... — Голос не дрогнул, но стал глухим. — Взяла плату с самого близкого. Лиара сгорела за три дня. Лекари не нашли болезни.

Алиса не смогла выдать ни слова.

— С тех пор я пять лет держу нить в узде, — продолжил он. — Не потому, что хочу идти по ней. А потому, что знаю цену каждого шага в сторону. Сегодня вы отдали голос матери, чтобы спасти служанку. Я не отдал бы. Тогда не смог.

— Каэль...

— Я должен был сказать это раньше. Ты не просто так рядом со мной. Я отчасти потому и согласился.

Алиса подняла на него глаза. Серые, спокойные, усталые. Но в них больше не было льда.

— Спасибо, что сказал, — произнесла она.

— Это правда.

— Знаю.

Рассвет разливался по саду, золотя верхушки яблонь. Серебряные нити над деревьями слабо подрагивали, как струны перед первой нотой.

Алиса впервые за три дня подумала, что не знает, каким будет следующий шаг. И что рядом с этим человеком ей, пожалуй, не страшно его делать.

Но где-то глубоко внутри, там, где ещё вчера жил мамин голос, осталась светлая, тихая пустота.